

ИСТОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

УДК 7.036

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ НОВОСИБИРСКА. ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА...

П.Д. Муратов
Новосибирск

guman@nsuem.ru

Статья является частью исследования «Художественная жизнь Новосибирска XX века». Рассмотрены организационные формы профессионального и самодеятельного изобразительного искусства, станковые и монументальные виды художественного творчества в эволюции и во взаимодействии на протяжении ста лет. Отражено культурное влияние Ленинградской филармонии и художественных музеев Москвы, эвакуированных в Новосибирск. Хронологические границы статьи (1941–1944) определяются временем пребывания Третьяковской картинной галереи в Новосибирске.

Ключевые слова: Художественный салон, «Окна ТАСС», выставка «Художники Сибири в дни Великой Отечественной войны», Третьяковская галерея, выставка «Сибирь – фронту», премьеры Седьмой и Восьмой симфоний Д. Шостаковича.

1941 год начинался мирной деятельностью учреждений культуры Новосибирска, шаг за шагом укреплявших свои позиции. Здание краеведческого музея (с 1990-х годов – Новосибирское художественное училище) с января освобождалось от жильцов, правдами и неправдами заселивших за предыдущее десятилетие значительную его часть. После необходимого ремонта освобожденных площадей в музее расширился главный его отдел, отдел истории. Хранившиеся в фондах музея коллекции одежды и предметов быта народов Сибири всплыли из глубоких подвалов здания в светлые залы. Десять-пятнадцать лет назад все, что показывала теперь этнографическая часть экспозиция музея, жило и действовало. Н.Н. Нагорская вспоминала о том времени: «Когда ко мне вышла из юрты хакасса в старинном наряде: красная одежда, обшитая белчьиими латками, высокий

головной убор, каменное лицо со щелочками глаз... Божье мой, какая древность! Прямо-таки азиатская роскошь, шитый царской парчой костюм. Где я, за какие деньги могла видеть такое?»¹ Не удивительна тяга художников 1900–1920-х годов к темам традиционной жизни народов Сибири, охватившая едва не всех сибирских живописцев и графиков. Даже скульпторы и архитекторы пытались ухватить с помощью мотивов культуры алтайцев, хакасов, бурят ускользавший от энтузиастов «сибирский стиль», оставшийся на весь XX век не только не освоенным, но даже и не сформулированным. С началом первой пятилетки напор идей индустриализации вытеснил из обихода сибиреведческие увлечения. И вот их отголосок возник перед глазами посетителей музея. Живой полноты еще не забытого прошлого

¹ Запись бесед с Н.Н. Нагорской в 1960-х годах. Хранится у автора данной работы.

народов Сибири экспозиция музея не показывала и не могла показать. Музей не резервация аборигенов, он хранитель только некоторых материальных частей быта, по которым жизнь людей реконструируется с изрядной, впрочем, долей домыслов. Шаманский бубен с колотушкой в экспозиции музея, его одежда с металлическими бляхами, с разноцветными ленточками сами по себе не способны воссоздать повседневность и ритуалы кочевников. Не видя их, не переживая, не избежать приблизительных представлений о том, что завораживало художников, избравших соответствующие темы. Тогдашний социологизм направлял домыслы в сторону классовой борьбы независимо от того, была ли у кочевников, у таежных охотников классовая борьба или ее не было. Борьба должна быть, учили политики послереволюционной формации, и должна идти под руководством русских революционеров, как это можно видеть по поэме И.А. Мухачева «Демжай-алтаец», законченной именно в это время, в 1940 году. Однако стоило индустриализации потесниться, уступая часть безраздельно занятого в музее места культуре народов Сибири, и эта культура снова выявилась как значительная, привлекательная, неумирающая. Новые Гуркины и Чевалковы на ней не выросли. Музейные экспозиции краеведов не основное, только вспомогательное средство духовного и профессионального развития художника, но долговременное действие этнографической коллекции оставило глубокий след в искусстве Новосибирска. В послевоенное время от нее пойдут живая ветвь художественного творчества живописцев и графиков города.

Отдел истории в музее начал меняться иным образом. Свидетели прошлого: ору-

жие сибирских партизан, документы, плакаты, агитационные листовки, издания разного рода стали дополняться живописью новосибирских художников. Закупленные в 1927 году с Первой Всесибирской выставки произведения живописи, графики, скульптуры музеем не использовались. В них преобладал ясно выраженный бытовой жанр, пейзаж характерных сибирских мест. Лишь единицы из 55 закупленных работ – «Партизаны» и «Ленпалатка» И.И. Тютикова, «Красноармеец» В.М. Мизерова – могли соответствовать утвердившемуся за тринадцать с той поры лет мировоззрению. Для нужд переосмысленной экспозиции музей приобрел с Пятой областной выставки картину Ликмана «Побег Сталина из нарымской ссылки в 1912 году» и получил на постоянное хранение закупленное кооперативом «Художник», отмеченное добрым словом зрителей, полотно «Маевка в Нарыме под руководством Куйбышева в 1912 году». В музей пошла картина Титова «Каторга» и «Отступление колчаковцев» с ее погоней, взрывами снарядов, паникой. Ликману в добавление к принятым заказаны для экспозиции полотна с изображением Сталина, Свердлова, Куйбышева в нарымской ссылке. Картины, конечно, не документ истории ВКП(б). Художники создавали их в соответствии с утвердившимися характеристиками победоносного героизма большевиков, но и музейные работники строили экспозицию, руководствуясь теми же понятиями. Позиции художников и экспозиционеров если и не совпадали полностью, то во всяком случае не противоречили одна другой в так называемой «активной жизненной позиции». Для тех избранных живописцев Новосибирска, чьи произведения попадали в музей на постоянное хранение, участие в экспозиции становилось самой высокой в

Новосибирске аттестацией их творчества на все время до очередных перемен в идеологических установках.

Осознав содержательную зрелищность художественных включений в предметный мир музея, сотрудники его впервые по собственному почину организовали на своей территории художественную выставку, организовали на свой, конечно, лад, соединив на стендах живопись и репортажные фотографии, а в витринах и на подиумах подлинники исторические реликвии. Выставки, создаваемые Оргкомитетом Союза художников, состояли исключительно из произведений живописи, графики, скульптуры. Фотографии на них не допускались, отошли и копии картин классиков. Копии остались в ведении кооператива «Художник». Фотографии, копии, макеты шахт и цехов заводов, предметный мир тех же шахт и оригинальные произведения искусства осваивались работниками краеведческого музея как единый материал тематической экспозиции. Они не знали тогда, что эта совокупность различного по материальной и духовной природе в одной выставке сближала их с творцами зарубежной массовой культуры, с авторами рождавшегося поп-арта. Музей, кооператив «Художник», Оргкомитет Союза художников, не разрабатывая никаких программных заявлений, строили по-разному единую сложносоставную художественную культуру города, и это было то новое, что принес 1941 год.

Организованная музеем выставка посвящалась 23-й годовщине Красной Армии, и открылась она, соответственно, 23 февраля 1941 года. Выставка состояла из четырнадцати тематических разделов: «Партия Ленина-Сталина – организатор побед на фронтах гражданской войны», «Красная Армия на страже мира и социализма»...

Просматривая дошедшие до нас каталоги художественных выставок в Новосибирске предвоенного времени, можно убедиться: картин, рисующих повседневную и боевую жизнь Красной Армии, на специальную тематическую выставку с них не набирается. Но их не набирается на большую самостоятельную художественную выставку, а выставка, где живопись только элемент экспозиции, только включение в нее специфического зрелищного элемента, вполне могла состояться и при минимальном количестве картин. Можно показать картину боя, а можно показать подлинную пушку, применявшуюся в бою, разместить на стендах фотопортреты победителей. Есть вероятность и того, что музей заказал кооперативу «Художник» изготовление картин на заданные темы, и они были изготовлены в предписанном количестве, чтобы их хватило на стационарную и на отдельную передвижную выставку. Как бы там ни было, а музей открыл двери изобразительному искусству, и в его фондах начал складываться долгожданный художественный отдел.

Есть и еще новшества художественной жизни города 1941 года.

По решению Совнаркома РСФСР на Красном проспекте в помещении, принадлежавшем прежде магазину «Детский мир», открылся художественный салон. Хотя решение Совнаркома готовилось без участия представителей Новосибирска, в решении шла речь не об отдельном городе, о ряде городов РСФСР, где желательно было наладить торговлю произведениями искусства, в Новосибирске оно нашло подготовленную почву. Начал организацию салона Воцакин еще восемь лет назад. В апреле 1932 года он подал в Крайком записку об организации магазина-выставки. Записка никакого действия не произвела, но по-

требность предметной связи художников с населением города обозначила. Через четыре года (1936) в новосибирский универсам на продажу неожиданно были присланы из столицы полотна живописцев – членов Московского кооператива «Художник». И вот теперь Совнарком подвел под стихийное движение организаторов художественных предприятий законодательную базу. Местный филиал товарищества «Художник» без промедления поручил М.А. Кременскому подготовить эскизы реконструкции помещения, по эскизам провел ремонтные работы, и 9 февраля 1941 года салон был открыт. Проблемы творчества салон не решал, но материальную сторону быта художников улучшил. Оригинальные картины и копии по репродукциям картин классиков искусства можно было напрямую сдавать в салон. В небольшом его помещении планировались и выставки-продажи сборных коллекций картин, и персональные выставки членов Оргкомитета Союза художников, с которых тоже можно было продавать любую выставленную вещь.

Кооператив «Художник» смог арендовать помещение для вечерних занятий рисунком уважаемых членов Оргкомитета. Художники отнеслись к возможности регулярного общения за любимым занятием как к празднику. На организационном собрании они выбрали из своей среды двух руководителей, Н.А. Беляева и Н.Д. Фомичева, имевших хорошую школу (Фомичев до революции учился в Мюнхенской Академии художеств). Можно было ожидать, что руководителем студии станет И.И. Тютиков, авторитет которого стоял в то время высоко. Тютиков был председателем художественного совета кооператива «Художник»; в 1938 году он был приглашен пи-

сать панно для павильона «Сибирь» Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, в 1941 году приглашение повторилось. Для павильона он написал трехметровые панно «Сталин в туруханской ссылке», «Ленин в Шушенском» и заслужил одобрение руководителей росписи павильона. Фомичев и Беляев сравнительно с Тютиковым – второстепенные художники Новосибирска, Беляев даже и перерегистрацию Оргкомитета Союза художников не проходил, стало быть он и не член коллектива новосибирских живописцев, тем не менее он один из двух руководителей студии, и Тютиков, если он посещал студию (отношение Тютикова к студии неизвестно), должен был принимать как должное замечания и поправки Фомичева и Беляева. И это было справедливо. Художники Новосибирска ценили активность работы Тютикова над картинами с востребованными темами, но ценили они и профессиональную культуру, пусть и не выявленную в тогдашней духовной атмосфере. Так окончивший Петербургскую Академию художеств В.И. Лукин незаметно жил в Томске, писал пейзажи и натюрморты, не подступаясь к «идеологически выдержанным» темам, но иногда на натюрмортную живопись Лукина более успешные художники оглядывались как на пример знания и умения. Вот потому именно под руководством Беляева и Фомичева начала работу студия, названная «Студией повышения квалификации», идиалтически описанная ее участником А.А. Бертиком. Рисовали в студии исключительно с натуры, прорабатывали пропорции, анатомическое строение фигур, технику рисунка карандашом, углем. Натурщики вербовались из студентов театрального училища и техникума физкультуры.

Идиллия рисовальных вечеров продолжалась не долго. 22 июня в парке имени Сталина состоялся митинг, начавшийся прослушиванием речи В.М. Молотова, произнесенной им по радио. Война уже шла. Выступление Молотова было откликом на нее.

*В садов цветенье,
В радость мирных дел, –
В эфир внезапно боевой трубой
Сигнал тревоги грозной прозвенел... –*

отозвался на митинг присутствовавший на нем поэт А.И. Смердов.

Сразу по объявлении войны началась мобилизация в армию граждан страны, родившихся в 1905–1918 годах. Через три месяца возрастной ценз призывников расширился до 1920 года. Под категорию 1905–1920 годов рождения подходило большинство художников Новосибирска, в частности Мочалов, братья Титковы, Евстигнеев, Филинков... Появился лозунг: «С момента объявления войны нет больше мирных профессий».

Во второй день войны, 23 июня, в Новосибирске была создана бригада выпускающих плакаты «Окон ТАСС». В бригаду вошли Г.Г. Ликман, М.А. Мочалов, А.М. Иванов, В.В. Титков, В.И. Огородников от художников и Н. Алексеев, И.А. Мухачев, А.И. Смердов, Е. Березницкий, Л. Кондырев от писателей. Художественным редактором «Окон ТАСС» избран Ликман. Уже на следующий день, 24 июня, были выпущены четыре плаката работы Ликмана, Огородникова, Титкова с текстами Мухачева и Смердова. В дальнейшем состав бригады изменился: Мочалов, Огородников, Титков, Березницкий, Смердов ушли в армию, к плакатистам примкнули Л.Н. Оги-

бенин, О.А. Гинзбург, О.А. Шереметинская, И.И. Тютиков, А.Д. Силич, А.М. Овчинников, А.А. Туркин, М.Ф. Бер... За время войны едва не все художники Новосибирска приложили руку к плакатному делу, рисовали оригиналы или тиражировали оригиналы трафаретами.

Предназначенные к размещению в витринах магазинов плакаты «Окон ТАСС» выполнялись на больших листах бумаги в свободной живописной манере. Но скоро их манера изменилась на декоративную, т.к. для увеличения тиража потребовалось использование трафарета, что повело за собой плоскостную манеру рисования, пригодную для трафаретного цветоделения. С помощью трафарета тираж отдельного плаката достигал пятидесяти экземпляров. Совокупное количество еженедельных плакатов исчислялось сотнями. Рукодельный витринный плакат дополнился печатным плакатом меньшего размера, но большего тиража. Плакаты, антифашистские рисунки, политические карикатуры воспроизводились и всей новосибирской периодикой. За время войны было создано несчетное количество плакатов и газетно-журнальных рисунков. От всей их массы сохранились крохи, и теперь уже не учесть во всей полноте проделанную художниками патриотическую работу, сыгравшую не последнюю роль в поддержании бодрости духа сограждан.

Удельный вес работы художников и поэтов над плакатами различен. Длинный ряд плакатов не имеет надобности в поэтическом сопровождении, например плакат Ликмана «Все для фронта!», плакат А.М. Овчинникова «Отомсти!», плакат В. Титкова «Создадим народный фонд обороны!». Выпускались плакаты вообще без подписи. Таков плакат Ликмана, изобра-

жающий когтистую лапу и красноармейца, отсекающего лапу мечом. Но поэтические сопровождения плакатов в большинстве случаев усиливали их воздействие. Примеров содружества художников и поэтов, конечно, множество, ведь для того и создавалась объединенная бригада «Окон ТАСС». Вот плакат А.М. Овчинникова и И.И. Мухачева:

*Он к Ленинграду очень просто
Хотел пробраться напрямки,
Да у знакомого погоста
Вдруг напоролся на штыки.*

Или плакат А.И. Липачевой и А.И. Смердова:

*Все для воинов отважных
День и ночь
Шьют, кроют, прядут и вяжут
Мать и дочь,
И подруга и невеста –
В каждом доме повсеместно.*

Объявлением войны художественная жизнь Новосибирска не оборвалась, не сжалась, сосредоточившись на плакатах; она чрезвычайно усложнилась.

25 июля на станцию Новосибирск-Главный прибыл эшелон из Москвы с художественными сокровищами страны, с произведениями, хранившимися в Третьяковской галерее числом в 12 тысяч, в музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, в музее Нового Западного искусства. Пушкинский музей вывез в Новосибирск 101824 экспоната. К ним добавились коллекции пригородов Москвы и Ленинграда: Павловского Дворца-музея, Петродворца, Пушкина (Царское Село в прошлом), музея-усадьбы «Архангельское»... Под на-

дежной охраной помещены были в здание оперного театра древнеегипетские папирусы, фаюмские портреты, античная скульптура, античные вазы, византийские иконы, древнерусские иконы; картины Рафаэля, Рубенса, Рембрандта, Брюллова, Александра Иванова, Репина, Сурикова, вплоть до картин лауреатов Сталинской премии, тех самых, какие мастера кооператива «Художник» копировали по репродукциям. На время Великой Отечественной войны Новосибирск стал негласной столицей мирового изобразительного искусства.

Эвакуация музеев и творческих коллективов в Новосибирск продолжалась до конца года. Выделим из них Ленинградскую государственную филармонию с ее прославленным симфоническим оркестром, с дирижером Е.А. Мравинским и художественным руководителем И.И. Соллертинским, Ленинградский государственный академический театр драмы имени А.С. Пушкина, группы художников Москвы и Ленинграда. Ленинградскую филармонию поместили в клубе Сталина, театр драмы имени Пушкина в здании театра «Красный факел», а театр «Красный факел» отправился на длительные гастроли сначала в Сталинск (Новокузнецк), потом в Прокопьевск. Весь Кузбасс со всеми его городами входил тогда в состав Новосибирской области. Если учесть то обстоятельство, что в Новосибирск перебазировались пятьдесят крупных промышленных предприятий с коллективами рабочих, то можно будет представить себе возникшие сложности с жильем. Нередко можно было видеть посреди улицы земляной холмик, из холмика торчала железная труба типа самоварной, из трубы шел дым – это кто-то из эвакуированных в буквальном смысле врылся в землю. Размещать прибывших художников пришлось В. Тит-

кову. Ушедший в армию Мочалов передал ему права и обязанности председателя Оргкомитета. Квартирные условия считались нормальными, если на одного человека приходилось два квадратных метра жилплощади. Конечно, при размещении художников учитывались их известность, звание заслуженного деятеля искусств, но возможностей расселять приезжих широко и удобно у города не было. Искусствоведов и реставраторов крупнейших музеев страны даже и не расселяли: они жили в здании оперного театра в бивачной обстановке возле охраняемых ими ящиков с упакованными в них драгоценностями.

Ленинградских художников, приезжавших в 1939 году в Новосибирск планировать совместную выставку «Сибирь социалистическая», среди эвакуированных не оказалось, да если бы они и прибыли вместе со своими земляками, о назначенной на 1942 год совместной с новосибирцами выставке не могло быть и речи. Ту выставку планировалось показать и в Новосибирске, и в Ленинграде, но Ленинград с августа 1941 года задыхался в кольце блокады, а Новосибирск превратился в перенаселенный бивак, напряженно возводивший военные заводы. Тут не до вариаций на темы Сибири кандалной, сибирской каторги, большевиков в сибирской ссылке. На очереди стояла выставка «Художники Сибири в дни Великой Отечественной войны». Для нее теперь добывались холсты и краски, делались попытки найти помещения для мастерских. В конце августа 1942 года в здании горсовета выставка «Художники Сибири в дни Великой Отечественной войны» была открыта. Художниками Сибири на ней значились и москвичи, и ленинградцы, оказавшиеся на то время в Новосибирске.

У выставки неточное название. В ней участвовали не только сибиряки, но и художники Узбекистана, Туркмении, Таджикистана. Почта доставила тамошние плакаты «Окон ТАСС». Соединенные с сибирскими «Окнами ТАСС», они заполнили отдельный зал, едва ли не главный во всей экспозиции. «Окна ТАСС» жители Новосибирска видели в 1942 году и на специальной выставке. В фойе ленинградского театра имени Пушкина (театр «Красный факел») в начале марта были показаны «Окна ТАСС» художников Москвы – Д.Е. Моора, Кукрыниксов, А.В. Сойфертиса... – с добавлением работ новосибирцев. Показанных в марте плакатов на августовской выставке не было. И без них пестрая лента больших плакатов охватила целый зал горсовета. Боль, гнев, презрение, ненависть к захватчику лейтмотивом пронизывали весь этот раздел выставки.

Никогда прежде на выставках в Новосибирске не бывало такого количества белых набросков, как на этот раз. Величиной с почтовую открытку, выполненные пером или карандашом, они, конечно же, не обладали внушительностью и в другие времена вряд ли вышли бы из рук художника на общественный просмотр. Но военное время – особое время. Уже целый год громыл фронт, в огне и в дыму рушились города, семья за семьей здесь, в тылу, оплакивала похоронки. Все жители Новосибирска с замиранием сердца прислушивались к сводкам Информбюро. Скромные зарисовки фронтовой жизни воспринимались посетителями выставки как часть этих сводок, как наскоро написанные письма с фронта – надежда и трепет каждого дня. Еще в январе 1942 года в Новосибирск стали приходиться письма с фронтовыми зарисовками И. Титкова. Газета «Советская Сибирь» регуляр-

но публиковала их одиночными рисунками и подборками до семи рисунков кряду. Публикации шли до выставки и после выставки вплоть до конца войны. Специально к выставке И. Титков прислал десятки почти сотню таких набросков. Сгруппированные по темам «Партизаны Смоленской области», «Здесь были немцы», «Бойцы на отдыхе», «Боевые эпизоды N-й Сибирской артиллерийской части»... они заняли почетное место в экспозиции. Имя художника Ивана Титкова новосибирцы запомнили сразу и надолго.

Станковая живопись существенно отличалась от графического раздела выставки. Ее природа тяготеет к образам иной емкости, иной сложности. Авторы картин стремились к обобщениям и одновременно к живой конкретности. Величина холстов (до 270 сантиметров по большой стороне картины), их композиционный строй, колорит, образы ее героев царили над карандашной графикой как симфонический оркестр над губной гармошкой. Но царственное величие картины на данной выставке не было бесспорным. Ее публичность не достигала остроты плакатов «Окон РОСТА», ее традиционная достоверность уступала фронтovým зарисовкам. Никто из живописцев, включая москвичей и ленинградцев, в огне передовой линии фронта не был. Тыл войны, а он был тут, рядом, в безостановочных конвейерах заводов, в буднях военного городка, в бесконечных шеренгах отправляющихся на фронт, в учебных воздушных тревогах, в переполненных госпиталях, увидеть и не умели, и не смели. Рисовать, фотографировать на улицах города было запрещено. Пройти на завод можно было только по специальным пропускам и только в четко обозначенное на пропуске место. Поневоле рождалось на

холстах нечто приблизительное. И только портреты фронтовиков, волею судьбы оказавшихся в Новосибирске, поддерживали заслуженный авторитет станковой живописи. Фронтové портретные зарисовки, выполненные на бегу, часто ограничивались приблизительным сходством. О разработке емкого художественного образа некогда было думать. Иное дело работа над портретом в стационарных условиях. Тут все решают выучка художника, его талант, работоспособность, отчасти и удача.

В мае, за три месяца до открытия выставки «Художники Сибири в дни Великой Отечественной войны», Третьяковская галерея открыла в зале заседаний горсовета выставку под названием «Лучшие произведения советского искусства 1920–1930-х годов». Многие из показанного тогда в послевоенное время вошло в монографии истории советского искусства. Это был первый большой подарок жителям Новосибирска от Третьяковской галереи. У художников сверх того были свои дополнительные переживания. Участники выставки лучших произведений Е.В. Кудрявцев, В.И. Прагер, А.Н. Самохвалов с начала войны жили в Новосибирске и считались на данный момент новосибирцами. Московский художник Кудрявцев был не только видным живописцем, он входил в штат реставраторов Третьяковской галереи, выполнял обязанности директора ее новосибирского отдела. Знаток техники и технологии живописи, общественно активный человек, он был ценным деятелем новосибирской художественной жизни 1941–1944 годов. Имя ленинградца Самохвалова в Новосибирске знали по журнальным публикациям предыдущего десятилетия. Он уже почти классик, написавший знаменитый портрет «Девушка в футболке», серию картин-портретов

«Метростроевки». В Новосибирске Самохвалов писал портреты, ездил, как и другие новосибирцы, в Кузбасс писать этюды к индустриальным пейзажам, оформлял спектакли Ленинградского театра драмы имени Пушкина, расположенного в здании театра «Красный факел». Москвич, автор больших сюжетно-тематических картин. Прагер вскоре после выставки заменил В. Титкова на посту председателя Новосибирского Оргкомитета Союза художников: В. Титков ушел добровольцем на фронт. Кудрявцев перед выставкой успел написать портрет Д.Д. Шостаковича, приехавшего в Новосибирск в июне 1942 года на премьеру Седьмой симфонии. Премьера состоялась 9 июля в исполнении симфонического оркестра Ленинградской филармонии под управлением Е.А. Мравинского. Это было событие исключительно значимого значения. В симфонии прозвучала трагическая тема нашествия и его преодоления, заставившая новосибирцев, а потом и весь мир с новой силой пережить драму XX века. Вслед за Кудрявцевым писать и рисовать Шостаковича и Мравинского, заставляя их позировать многие сеансы, художники Новосибирска не бросились, например, потому, что Шостакович вскоре из Новосибирска уехал. Его следующий приезд и опять на короткое время состоялся в январе 1944 года накануне премьеры (6 февраля) Восьмой симфонии, исполненной тем же составом музыкантов. Но музыка и музыканты вошли в жизнь и творчество новосибирских художников. Так Смолен, давно создавший себе имидж «простого человека»: борода вполгруды, рубаха навыпуск, подпоясанная ремешком, сапоги – прямо-таки персонаж картины ленинградского художника В.А. Серова «Ходяки у Ленина», – можно сказать, «прилип» к

Мравинскому, человеку совсем не «простому» во всей его сущности выдающегося музыканта, одного из лучших дирижеров XX века, строгого и даже величественного обликом, и в следующем, 1943 году написал-таки его портрет.

Нагорская почти перешла жить в клуб имени Сталина, отведенный Ленинградской филармонии на все время ее эвакуации. В осенне-зимнее время дом на улице Челюскинцев, где она жила, не отапливался, и Нагорская с дочерью и племянницей, подростками, пользуясь правами художника филармонии (писала и рисовала афиши), ночевала в клубе имени Сталина, на бильярдном столе. Постоянное присутствие при музыке и музыкантах помогало ей противостоять угнетающим условиям жизни. Уже после отъезда оркестра в Ленинград, после войны, Ликман написал большую картину «Первый концерт для фортепиано с оркестром» П.И. Чайковского. Кстати, прощальный концерт филармонии, состоявшийся 22 июля 1944 года, завершился именно симфонией (Шестой) Чайковского. Торжество прощания, длившееся весь вечер и часть ночи 9 августа с переходом на 10-е, включало в концертную программу финал Пятой симфонии Чайковского. Эмоциональный Ликман долго переживал эти музыкальные впечатления, разрешившиеся картиной двенадцать лет спустя.

Был на выставке «Художники Сибири в дни Великой Отечественной войны» и небольшой раздел скульптуры, всего шесть произведений. Среди участников раздела новосибирцы увидели работу Р.Г. Мурановской, жившей в Новосибирске несколько лет назад и снова появившейся здесь вместе с другими художниками Москвы; работу талантливого скульптора из Белоруссии

Н.Я. Рапопорта; уезжая в конце эвакуации из Новосибирска, он оставил на память городу монумент В.В. Маяковскому, установленный на фасаде кинотеатра имени Маяковского; и символическую композицию В.Ф. Штейн «Схватка». Ни одна из упомянутых работ до нас не дошла.

В конце 1942 года сотрудники Третьяковской галереи показали новосибирцам еще одну замечательную выставку. Не вынося из помещения оперного театра – открытие выставки происходило шестого декабря: зима, мороз, картинам противопоставлен резкий перепад температуры – они развернули экспозицию русского искусства XVIII–XIX веков в 130 произведений в фойе театра. Портреты В.А. Боровиковского, Д.Г. Левицкого, Ф.С. Рокотова, полотна К.П. Брюллова, А.А. Иванова, И.Н. Крамского, П.А. Федотова, В.Г. Перова, В.И. Сурикова, В.А. Серова, В.Д. Поленова, В.М. Васнецова, И.Е. Репина, И.И. Левитана... вся история русской живописи дореволюционного периода открылась глазам посетителей выставки. Подобный праздник уже был в Новосибирске в 1939 году. Тогда Русский музей показывал сибирякам примерно такой же хронологический подбор искусства и тех же авторов. Но впечатление от той выставки было перебито другой выставкой, организованной к семидесятилетию Сталина в клубе его имени. Нацеленная на празднование юбилея вождя народов жизнь города, пропаганда именно юбилейной выставки, организация именно на нее экскурсий отвлекли от русской классики. Можно считать, она вообще тогда припала не к стати. А в 1942 году политические юбилеи в Новосибирске не проводились. Страна жила другими интересами. Фоном всей общественной жизни была война. Концерты симфонического оркестра, спектакли теа-

тра драмы имени Пушкина создавали совершенно иной контекст выставке. Трагедиям войны требовался духовный противовес и искусство, столь полное и высокое, его давало.

За три года пребывания в Новосибирске филармония провела более пятисот симфонических концертов, более двухсот выступлений по радио. Совместно с театром имени Пушкина и Третьяковской галереей с 7 декабря 1941 года в клубе Сталина проводился воскресный лекторий. Третьяковская галерея за те же годы организовала двадцать выставок, сотрудники музея прочитали около полутора тысяч лекций. Планомерное описание всей полноты художественной жизни города времен Великой Отечественной войны требует отдельного капитального исследования, в наши задачи оно не входит. Отметим мимоходом долгосрочные обретения города: открытие кукольного театра (1943), театра музыкальной комедии (1944), создание коллектива театра оперы и балета (1944), музыкального училища (1945), и мы получим очерк золотой поры искусства в пору голода и холода Великой Отечественной войны.

16 января 1944 года в клубе имени Сталина открылась выставка «Сибирь – фронту», существенно отличавшаяся от выставки 1942 года «Художники Сибири в дни Великой Отечественной войны». И снова у выставки неточное название. «Вся Сибирь» сосредоточилась в одном Новосибирске. Художники Барнаула открыли свою отдельную выставку «Алтай в дни Великой Отечественной войны», художники Кемерово праздновали Первую областную, названную ими «Кузбасс – фронту», у красноярцев была своя краевая, посвященная 3-й годовщине Великой Отечественной

войны, под таким же названием открылась в Томске 2-я томская областная выставка. Новосибирск располагал только собственными силами, что не помешало ему создать содержательную экспозицию, а так как на сравнительно небольшой выставке десяток полотен были размером в два и в три метра, совокупное впечатление от нее имело признаки внушительности.

В составе новой выставки, собранной, как и предыдущая, при участии сотрудников Третьяковской галереи, не было отдела плакатов «Окон РОСТА». Фронтальные зарисовки сохранились, но их стало значительно меньше и, главное, они стали другими. В 1942 году почти все зарисовки выполнялись наспех на случайных маленьких листочках, в 1944 году зарисовки делались обдуманно на листах больших альбомов, вследствие чего они, сохраняя непосредственность натуральных впечатлений, становились более содержательными. Собственно фронтальной тематики в живописи стало меньше. На первое место вышли сюжеты фронтального тыла. Таковы картины Ликмана «Передача колхозниками самолета Красной Армии», Тютикова «Кони – фронту», Якубовского «Сталь для танков». Численное превосходство в живописи и в графике оставалось за портретами и пейзажами. Тютиков предложил, а выставком с предложением согласился, показать на выставке «Сибирь – фронту» алтайские пейзажи 1935 года, написанные им во время похода тогдашней альпиниады. Но работы десятилетней давности на выставке исключение из правила. Почти все выставленное написано, нарисовано, вылеплено в 1943 году. Кудрявцев, Ликман, Прагер помимо того показали по одному портрету и два пейзажа (Кудрявцев), написанные в 1944 году, т.е. буквально накануне открытия выставки

16 января. Живая выставка. Она преподнесла зрителям и сюрприз в виде натюрмортов. Два из них прислал И. Титков с фронта: «Цветы в блиндаже» и «Осенние листья», выполненные акварелью, один довольно большой написал маслом Фомичев. Натюрморты на выставке «Сибирь – фронту» знаменуют психологическую разрядку художников, третий год сосредоточенных на публицистике плакатов «Окон РОСТА», на драматических эпизодах войны в живописи, в графике, в скульптуре.

На фоне описываемой выставки в клубе имени Сталина в исполнении оркестра Ленинградской филармонии под управлением Мравинского 6 февраля состоялась премьера Восьмой симфонии Шостаковича. Присутствовал автор. Вступительное слово, отмеченное в послевоенных воспоминаниях, произнес И.И. Соллертинский. Симфония трагедийна, выставка «Сибирь – фронту» пейзажно-портретным наполнением трагедию смягчала. Вместе они дают объемное представление о духовной жизни сибиряков конца войны.

Через месяц после закрытия выставки «Сибирь – фронту» в «синем зале» Ленгосфилармонии, т.е. в том же клубе имени Сталина, открылась выставка произведений Смолина. Ее сопровождала напечатанная на газетной бумаге типографским способом похожая на листовку афиша с небольшим портретом Смолина, работы ленинградского графика Г.З. Левина и каталог, составленный научным сотрудником Третьяковской галереи О.А. Живовой. На только что прошедшей выставке «Сибирь – фронту» экспонировалось шесть портретов и картина «Жизнь восстанавливается» нашего живописца, поэтому неожиданностей в данном случае как бы и быть не могло. Однако неожиданности были. Пер-

вая неожиданность состояла в самом факте персональной выставки. С конца 1920-х годов подобные выставки в Новосибирске не проводились. Только общие общественно значимые выступления художников поддерживались комитетом по культуре. За пятнадцать лет их полного отсутствия у любителей искусства сложилось представление, что их и не было никогда, что Смолин первый заслужил такую честь по праву старейшего художника Сибири. Старейшим он однако не был. Штейн, автор монументального барельефа «Танцы народов СССР» над входом в оперный театр, старше Смолина на шесть лет. Но Штейн сама побывала в ссылке и жила в данный момент в сосланной семье брата, профессора Ленинградской консерватории, которому город обязан созданием здесь музыкального училища, а Смолин – председатель Томского филиала АХРР в прошлом, член ВКП(б) с 1940 года, активный участник художественных выставок в Новосибирске. Преимущество за ним.

Кроме факта персональной выставки, зрителям и самому художнику была преподнесена главнейшая неожиданность. Выставку составляли сотрудники Третьяковской галереи, а они прошли мимо всех «идеологически выдержанных» нескладных картин Смолина, включая и те, на примере которых старейший художник учил современников помоложе писать картины. Чтобы все-таки показать Смолина как автора тематических картин, сотрудники Третьяковской галереи три из них все-таки включили в экспозицию. Это были «Посылка анжерских шахтеров на фронт против Семенова в 1918 году», «Жизнь восстанавливается» и «После освобождения от немцев», написанные по представлению. После персональной выставки Смолин хотя и продолжал

изредка писать непосильные ему картины, но рвения к ним уже не проявлял.

Сказанным неожиданности выставки не исчерпываются. Ее организаторы включили в экспозицию экспрессивно написанные этюды натурщиков (1910–1911), выполненные в Казанской художественной школе под руководством Н.И. Фешина и портрет художницы Бортник (1916), показывающие возможности Смолина активно трактовать натуру. Во времена АХРР, в 1930-х годах, названные этюды могли послужить соблазном для других живописцев. Смолин о них не упоминал, но хранил как «грехи молодости». И вот, перебирая в кладовой Смолина в связи с выставкой старые холсты, сотрудники Третьяковской галереи их увидели, извлекли на свет, а гордость Смолина – историко-революционные картины – оставили за дверью выставки. Вернуться к фешинским заветам художник уже не мог, но через год Смолин воспроизвел фрагмент этюда 1911 года в своем автопортрете. Этот автопортрет попал в Москву на Всесоюзную выставку 1946 года и заслужил автору 3-ю премию: диплом и 5000 рублей.

Плакатами «Окон РОСТА», выставка художественная жизнь Новосибирска времени войны не исчерпывается. Большую роль играла театральная живопись: Ленинградский драматический театр имени А.С. Пушкина, Ленинградский театр юного зрителя, Центральный театр кукол С.В. Образцова, Белорусский еврейский театр без художников работать не могли. В одном только Пушкинском их шесть человек: И.И. Билибин, В.В. Дмитриев, В.И. Козлинский, Г.В. Павловский, А.Н. Самохвалов, С.М. Юнович. Все они большие мастера, все известны и даже знамениты. По необходимости выбирать из них нашей теме наиболее близких выберем Самохвалова.

На выставку «Сибирь – фронту» он дал два портрета и производственный пейзаж «Домны в Сталинске». Именно по ним судил зритель о художнике. Но художник с 1943 года разрабатывал эскизы росписи Новосибирского железнодорожного вокзала. Предполагалось расписать комнату матери и ребенка, стены транзитного зала, плафон в зале. Общая тема росписи «Сибирь в годы Великой Отечественной войны» состояла из сюжетов, таких как пейзаж «Природные богатства Сибири», «Оружие – фронту», «Люди – фронту», «Сибиряки на фронте», «Дружба народов». К разработке эскизов и на практическую работу на объекте Самохвалов привлек новосибирца Л.Н. Огибенина, с которым он познакомился еще в Ленинграде около десяти лет назад. Эскизы обсуждались художниками и общественностью и были безоговорочно одобрены. К сожалению, Самохвалов уехал из Новосибирска в Ленинград в 1944 году до начала работы на самом вокзале, договор на роспись был оформлен на него, а без него начались проволочки под разными предлогами, как это всегда бывало при начале и по ходу большой работы. Роспись затормозилась. Эскизы росписи, переходя из рук в руки, бесследно исчезли. Пользуясь правами председателя Новосибирского Оргкомитета Союза художников², Огибенин создал бригаду – Ликман, Фокин, Фомичев – с намерением создать в кинотеатре «Пионер» шесть панно по темам сказок Пушкина и Ершова. О судьбе этих панно тоже ничего не известно.

В июне драматический театр имени Пушкина отбыл на родину. Следом за ним

² В апреле 1944 года В.И. Прагер выехал из Новосибирска, председателем Новосибирского Оргкомитета Союза художников стал Л.Н. Огибенин.

в августе уехала Ленинградская филармония. Третьяковская галерея должна была основательно подготовиться к переезду произведения искусства. Начинались холода. 15 ноября со всем штатом искусствоведов и реставраторов уехала и она. Новосибирск остался как портовый город, от которого ушло море. Блеск спектаклей, колдовство музыки, высший уровень живописи, незабываемые общения с искусствоведами, среди которых были авторы нестареющих книг, такие как С.Н. Гольдштейн, И.И. Соллертинский – все ушло, отдалилось, стало легендой. Нагорская вынуждена была вернуться в свой нетопленный дом на улице Челюскинской.

Однако след оазиса художественной культуры Новосибирска остался. Именно сюда съехались в мае 1945 года художники Урала, Сибири и Дальнего Востока на Первую послевоенную конференцию и организованную в связи с ней выставку. Именно здесь начало периодических зональных выставок «Сибирь социалистическая» более позднего времени, о чем речь у нас впереди.

Литература

Ацаркина Э.Н. Сибирь – фронту. Заметки с выставки // Советская Сибирь, 1944. – 11 февраля.

Котелов А.А. Старейший художник Сибири. Вступ. статья : Каталог выставки произведений художника Н.Ф. Смолина. – Новосибирск, 1944.

Лучшие произведения советского искусства: Каталог выставки – Новосибирск, 1942.

Сибирь – фронту: Каталог выставки. – Новосибирск, 1944.

Художники Сибири в дни Великой Отечественной войны. – Новосибирск, 1942.